

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Н.Н. ЗАРУБИНА

Православный предприниматель в зеркале русской культуры*

В русской культуре сложилось неоднозначное, амбивалентное представление о купце, промышленнике, предпринимателе. Он воспринимается как человек внешне набожный, но по сути дела далекий от Бога. Вместе с тем в культуре встречаются попытки связать религиозную и хозяйственную жизнь. Анализ этих попыток поможет уяснить, насколько обоснованы ожидания, возникшие в связи с возрождением православных традиций предпринимательства в современной России.

Проблема религиозности российского предпринимателя представляет особую сложность для исследователя потому, что православное богословие прямо не затрагивает вопросы хозяйственной жизни, и они традиционно рассматриваются как лежащие за пределами сферы духовности. В августе 2000 года Архиерейский собор утвердил "Основы социальной концепции Русской Православной Церкви", где дается современное церковное понимание категорий труда и собственности с пространственными ссылками на Священное писание. Однако и в этом документе практически нет оценки актуальных проблем хозяйственной жизни - предпринимательской этики и договорной культуры, природы прибыли, адекватного вознаграждения за труд, предназначения собственности и др.

Среди православных верующих получило широкое распространение представление о том, что православное сознание сугубо духовно, что оно уходит от повседневности, возвышает верующего над "миром дольным". Поэтому в нем не могут быть прямо представлены образы и ценности повседневной жизни, в особенности хозяйственной. Сообразно этому подходу сложилось достаточно устойчивое мнение о том, что религиозная жизнь должна ограничиваться хотя и очень значимой, но все же узкой сферой церковного-храмового благочестия, не распространяясь, по выражению С. Булгакова, на "церковь-человечество, церковь-культуру, церковь-общественность" [Булгаков, 1991, с. 72].

Для русского "здорового смысла" хозяйство, в противоположность религии, есть сфера практической рациональности. Оно ориентировано на расчет, руководствуется утилитарными соображениями - о пользе, применимости, пригодности, достижении конкретной цели оптимальными средствами. Хозяиствующий человек погружен

* Работе над статьей способствовала помощь, оказанная автору в рамках "Схемы поддержки исследовательской деятельности" (Research Support Scheme) Института "Открытое общество".

в мир повседневности, в заботы о пропитании, о выгоде и прибыли, ему некогда задумываться над духовной сущностью вещей и отношений. Движимый утилитарными целями, он не только теряет из виду духовное измерение бытия, но и легко выходит за рамки нравственных законов. Он обретает известную свободу практических действий, совершаемых без оглядки на высшие духовные смыслы. Возникает сфера безрелигиозного сознания, в рамках которой основные ценности, нормы и символы религии и предметно-преобразующей деятельности оказываются жестко противопоставлены. Таким образом, при наиболее общем рассмотрении сущностных особенностей православной духовности и хозяйственной практической рациональности они оказываются максимально противоположны и даже несовместимы.

Однако эта несовместимость далеко не исчерпывает всей полноты реальных отношений предпринимателя к религии и наоборот. В действительности связи православной духовности с хозяйственной жизнью неоднозначны и противоречивы. Они проникнуты тонкой игрой антиномичных ориентации: отрицания хозяйственного прагматизма и привязанности к мирским благам, с одной стороны, и признания ценности труднической самоотверженности и разумного обустройства материального бытия - с другой; отторжения суетности, стяжательства, эксплуатации и нечестности, столь часто сопутствующих хозяйству - и тяготения хозяина к духовной жизни, к обрядовому благочестию; безразличия подвижника к мирской суете - и практического интереса организаторов церковного и монастырского хозяйства к экономическим проблемам.

В отношении православной духовности и предпринимательства в полной мере проявилась антиномичность русской культуры, о которой писал Н. Бердяев [Бердяев, 1991, с. 32, 33] и анализ которой является одним из важнейших методологических инструментов современной российской культурологии. Поэтому наиболее плодотворный результат исследования принесет не построение абстрагированно-одностороннего "идеального типа" в веберовском понимании влияния религии на хозяйственную этику, а раскрытие связей православного сознания и предпринимательства во всем их многообразии и противоречивости, отраженных в различных формах русской культуры - философской, публицистической, художественной литературе, изобразительных искусствах, архитектуре.

Православие и этические основы предпринимательства

Известно, что в православии нет специально разработанной и богословски обоснованной канонической хозяйственной этики. В начале XX века Булгаков работал над исследованием религиозно-философских аспектов теории хозяйства. При этом он обращался к достижениям имеющейся на Западе и к этому времени уже весьма обширной исследовательской традиции, в том числе и к знаменитой работе М. Вебера "Протестантская этика и дух капитализма" (1904-1905). Идея связи духовной жизни общества и форм его хозяйственного развития была ему близка [Давыдов, 1994]. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в работах "Философия хозяйства", "Народное хозяйство и религиозная личность", "Православие и хозяйственная жизнь" (в книге "Православие") Булгаков изучал эсхатологию и софиологию хозяйства, т.е. его высшую духовную сущность, его предельный смысл как проявление софийности (божественной премудрости) в деятельности человека, в то время как Вебер и его последователи занимались общесоциологическими аспектами проявления религиозных ценностей и картин мира в реальных социально-экономических институтах, в исторически конкретном поведении хозяйствующего человека. Хотя у Булгакова явно присутствуют отдельные указания на связь религиозности и хозяйственной практики [Булгаков, 1991], ее частные проявления не получили столь содержательного освещения, как сам факт влияния религиозности на материальную (трудовую, экономическую) деятельность человека в экзистенциальном плане. В его работах нет конкретных рекомендаций о том, как с точки зрения православия следует понимать

применительно к сфере хозяйства добро и зло, добродетель и порок, какой вид деятельности является более всего богоугодным, а какой - грешным, как оценивать богатство и процесс его стяжания и т.д. Поэтому работы Булгакова должны рассматриваться как достижение русской религиозной философии, но не как вариант православной хозяйственной этики.

Существенная особенность работ Булгакова состоит в подчеркивании той идеи, что для будущего экономического расцвета России необходимо в полной мере использовать огромный нравственный и воспитательный потенциал православия. Для него это, прежде всего, была "дисциплина аскетического послушания" и "хождения перед Богом", которая, к несчастью для России, игнорируется атеистически настроенной интеллигенцией, привыкшей видеть в экономической деятельности лишь ее утилитарное содержание и разводить сферы хозяйства и морали, и духа [Булгаков, 1993, с. 360-363].

Таким образом, сфера повседневной хозяйственной деятельности простого русского человека не была выведена за пределы религиозной этики. Несмотря на существующее расхождение, православные духовные ценности проникали во все сферы повседневности и хотя, как утверждает современная веберiana, не осуществили их целостной сквозной рационализации [Buss, 1989, s. 50], они оказывали существенное влияние на жизненное поведение людей. О православной хозяйственной этике можно говорить не как о специфически сформированном учении, а как о совокупности вероучения, обрядов, функциональных представлений, религиозного мировоззрения в целом.

Любая мирская деятельность, воспринимаемая через призму православия, оценивается по ее духовному и нравственному содержанию. Она должна в первую очередь быть движима высшими религиозными мотивами, служить душеспасительным, а не меркантильным целям. Практическая полезность хозяйственных усилий, самые добрые побуждения людей не имеют значения, если они совершаются без ориентации на внутреннюю духовную работу, не руководствуются любовью к Богу и к ближнему. Любая хозяйственная деятельность может с православной точки зрения быть как благом, так и злом в зависимости от того, "какая именно мотивация лежит в ее основе, во имя чего и с какими внутренними побуждениями сердца она совершается" [Коваль, 1994, с. 66].

Успех любой деятельности считается обусловленным благочестием хозяина и труженика. Еще в "Домострое" (XVI век) говорится о том, что "видя добрые ваши дела и милосердие и любовь сердечную ко всем и таковую праведность, обратит на вас Бог свои милости и преумножит урожай плодам и всякое изобилие" [Домострой, 1994, с. 168]. Успех в православной хозяйственной этике для православного хозяина и предпринимателя, таким образом, предстает как Божье благословение - на что прямо ссылается и В. Рябушинский в известной статье "Купечество московское" [Рябушинский, 1994, с. 138]. Сходные представления есть и в протестантизме, и в католицизме. Однако это сходство лишь поверхностное: в протестантизме успех есть знак богоизбранности, которая даруется на основании непостижимого для человека Божественного произвола, а в православной этике он заслуживается человеком. В этом некоторое внешнее сходство с католической этикой успеха. Но, в отличие от католиков, православные считают, что успех даруется не за рациональную мирскую добродетель, скрупулезное выполнение повседневных обязанностей и нравственных заповедей, а за благочестие и духовность, которые, как мы увидим, вовсе не всегда могут сопровождаться пунктуальностью и добросовестностью в повседневных делах.

Понятие успеха как Божьего благословения влечет за собой и соответствующие представления о богатстве и собственности: "Про богатство говорили, что Бог дал его в пользование и потребует по нему отчета" [Бурышкин, 1990, с. 100]. Рябушинский подчеркивает, что предприниматель рассматривал себя "лишь как Божьего доверенного по управлению собственностью" [Рябушинский, с. 126]. Добродетель и благочестие отнюдь не всегда вознаграждаются богатством и успехом, так же, как

богатство и процветание в православной культуре не свидетельствуют о спасенности, об особой духовной благодати. Как раз наоборот, хозяйственная деятельность, в особенности предпринимательство являются своего рода "зоной риска", где мирская суета, погоня за прибылью, страстная погруженность в дела легко приводят к забвению подлинных духовных добродетелей. Богатство всегда таит опасность гибели, пословицы говорят: "Богатому черти деньги куют", "Пусти душу в ад - будешь богат", "Копил, копил, да черта купил".

В образе мысли и отношении к миру предпринимателя-практика, руководящегося лишь "здравым смыслом", есть установки, прямо противоречащие православной этике и аскезе, препятствующие погружению в мир православного духовного спасения. В образе предпринимателя в русской культуре преобладают мирские, практические ориентации, а также концентрация всех сил на деле, решительность и энергия, дополненные верой в собственные силы, в свою способность добиться успеха, самому преодолеть все трудности и препятствия. Его религиозность прекрасно характеризуется пословицей "на Бога надейся, а сам не плошай".

Особенно противоречно отношение к религии предпринимателя-пассионария. Наиболее ярко оно показано в романе В. Шишкова "Угрюм-река", основной персонаж которого Прохор Громов демонстрирует безоговорочную, предельную веру человека в свою способность изменить мир, веру, которая отнюдь не рассматривается как воплощение Божественного промысла, а лишь как собственный произвол. Громов говорит: "Да пусть дадут мне лешево болото, я всех чертей обращу в христианскую веру, обряжу в белые рубахи и заставлю строить пятиглавый собор" [Шишков, 1982, с. 338]. Однако руководит им явно не религиозное стремление прославить Бога своими подвигами, но тщеславное желание доказать всему миру свою власть над ним.

С неколебимой уверенностью в себе активный человек практического склада готов преодолевать любые препятствия, даже если его замыслам противостоят мораль, человечность, любовь, Бог. Такой сильной личности чужды смирение, опрошение, самоограничение. Громов исполнен гордыни, считает себя самого мерой творимых им дел. К религии такая личность относится чисто прагматически: соблюдает обряды и поддерживает связи в среде единоверцев ради получения деловых преимуществ или столь же прагматично рассчитывает получить от веры утешение и успокоение в трудные минуты жизни. Так, Прохор приходит к старцам пустынникам в надежде на легкое, мгновенное обретение душевного равновесия и покоя, а вовсе не ради духовного восхождения. Этот эпизод романа Шишкова особенно наглядно показывает, что практическая рациональность и духовность находятся в разных измерениях сознания: при неукротимой деловой энергии человек вполне может быть духовно ленивым. Попытки смиренной переоценки ценностей, работы над своей внутренней жизнью, изменением внутреннего склада ради религиозного очищения не удаются творческой натуре, жаждущей практической деятельности. Возможным объяснением этого является концентрация всех сил и интересов на мирских делах, не оставляющая места в душе для чего-нибудь еще. Да и сам духовный труд кажется пассионарному предпринимателю, воплощенному в образе Громова, слишком далеким от жизни, пассивным на фоне мирской творческой активности, реального созидания.

Единственным понятным и доступным путем реализации религиозных чувств для практически-ориентированной личности оказывается повседневное обрядовое благочестие.

Повседневное благочестие предпринимателя

Подлинное духовное делание, высокая внутренняя работа по стяжанию Святого Духа была доступна далеко не всем, и в истинном, высшем смысле становилась уделом немногих. Хорошо известно, что обратной стороной высокого, по существу элитарного духовно-этического идеала оказывалось преувеличенное внимание к демонстративному "наружному благочестию", когда сложная жизнь души подменялась

ее внешней имитацией: соблюдением обрядов, богатыми подношениями храмам, монастырям, жертвованиями на драгоценные ризы и церковную утварь, и Божье благословение как бы покупалось. В таком упрощенном понимании успех воспринимался прямым следствием щедрости, с одной стороны, и следования обряду - с другой. Убожество и комизм утилитарной интерпретации взаимосвязи Божьего благословения и хозяйственного успеха с юмором показал П. Мельников-Печерский в одном из эпизодов своей хроники "На горах" - ссоры неудачливого купца с монахиней: "Вы, - кричит изо всей мочи, - какой ради причины Бога-то плохо молили?.. Ах вы, чернохвостницы, кричит, эдакие! Деньги берете, а Богу молитесь кое-как!.. Я вам задам! Летось пятьдесят целковых вам пожаловал, и вы молились тогда как следует: на судаке я тогда по полтине с пуда взял барыша... Сто рублей тебе, чернохвостнице, дал, честью просил, чтоб и на нынешний год побольше барыша вымолили... А вы, раздуй вас горой, что сделали? Целая баржа ведь у меня с судаком затонула!.. Разве так молятся?.. А?.. Даром деньги хотите брать?.. Так нет, шалишь, чернохвостница, шалишь, анафемская твоя душа!.. Подавай назад сто рублей!.. Подавай, не то к губернатору пойду!" [Мельников-Печерский, 1956⁶, с. 198, 199].

Внешнее благочестие, однако, отнюдь не было прикрытием глупости, неверия и порока, как это часто пытаются представить: простой мирянин, хозяин, озабоченный повседневными хлопотами, вынужденный в силу самой природы своей деятельности относиться к жизни практически-утилитарно, как правило, мог своим духовным пониманием охватить лишь внешние атрибуты веры. Подлинная духовность, "умное делание" требуют такой степени внутренней сосредоточенности и отрешения от мирских дел, такой развитости и подготовленности духа, что оказывались доступны очень немногим. Большинство мирян совершенно искренне видели смысл своей духовной жизни и признаки истинного благочестия в том, чтобы соблюдать обряды, посты, почитать храмы, иконы и прочие святыни, по возможности жертвовать часть своих доходов на церковные и монастырские нужды. Суть повседневного благочестия, основы которого сформулированы в "Домострое", состоит в том, что рядом с хозяйственной, семейной, общественной и другими сферами жизни непременно должно присутствовать осознание существования иного, духовного среза бытия, являющегося главным, освящающим, оправдывающим все остальные.

В то же время разрыв между повседневным благочестием мирян и высоким духовным стандартом религиозных подвижников усиливает расхождение их нравственных стандартов. Этим и обусловлена точка зрения, согласно которой православие этически не регулирует мирское поведение, в особенности в такой далекой от духовности сфере, как предпринимательство [Buss]. В результате получается, что соблюдение внешних норм религиозности и даже искреннее благочестие не всегда удерживают от соблазна преступить нормы обычной морали ради достижения практической выгоды, а наивная вера побуждает просить Бога о помощи и в аморальных делах. Е. Голубинский писал, что "наши купцы, столько усердные во внешней молитве, столько приверженные к храмам и теплящие в своих лавках неугасимые лампадки, до такой степени мало наблюдают честности в торговле, что можно подумать, будто они теплят лампадки затем, чтобы Бог помогал им обманывать людей" [Голубинский, 1913, с. 15].

Тема лукавой молитвы предпринимателя, просящего о помощи в несправедном, нечестном деле, отобразилась в художественной культуре. Персонаж "Угрюм-реки" Иннокентий Груздев "вел в Петербурге трезвейший образ жизни. Приступая к мошенническому действию, он сугубо усердно посещал церковь, возжигал толстые свечи, молился на коленях, просил, чтоб Господь ниспослал ему мудрость змия, чтоб помог облапошить толстосумов и чтоб не поставил во грех его деяния" [Шишков, с. 605]. Причем стремление к нечистой прибыли оправдывают жертвованием ее части на религиозные же нужды, как бы давая Богу и святым взятку, как обычным судебским чиновникам.

Вообще же в русской культуре получил достаточное отражение тот факт, что даже

твердая убежденность предпринимателя в существовании духовного измерения бытия рядом с его практической деятельностью, неколебимая уверенность в необходимости соблюдения обрядов, не удерживают от нечистоплотных поступков, обмана, прямого мошенничества в делах. В этом видится важнейшая проблема "обрядового благочестия" и православной хозяйственной этики в целом.

Духовные устремления мирян часто реализуются в форме материальных пожертвований на церковные нужды, т.е. перевода части плодов хозяйственной деятельности из сферы прагматической и утилитарной в сферу бескорыстного служения. Одним из наиболее заметных и культурно значимых проявлений повседневного благочестия русского предпринимательства было строительство храмов. Рябушинский замечает, что "храмоздатель и русский хозяйственный мужик и купец - это почти синонимы" [Рябушинский, с. 153]. Упоминания о том, что какой-либо храм построен на деньги купцов, относятся уже к XIV-XV векам. Это были как корпоративные церкви, так и небольшие приходские храмы и даже монастыри, выстроенные на индивидуальные пожертвования.

У церковной благотворительности русских предпринимателей существовали разные мотивы. Их можно классифицировать и объединить в несколько групп. *Во-первых*, добившись успеха в хозяйстве, человек нуждается в сознании праведности своего дела, в зримом проявлении ее связи с высшими сакральными ценностями. Богатство и успех хозяина нравственны и богоугодны тогда, когда праведен сам хозяин. А наиболее очевидным внешним проявлением благочестия является строительство или украшение храма, что и было вплоть до второй половины XIX века самой распространенной формой купеческой благотворительности [Ruckman, 1984].

Во-вторых, в русском православном сознании еще со времен Иосифа Волоцкого утверждалась идея не самоценности, а социальной значимости и ответственности богатства [Зеньковский, 1956, с. 28, 29]. Уважение и признание со стороны общества надо было заслужить, проявив себя в таком деле, которое обладало безусловной социальной значимостью и престижем. Сначала таким делом была именно церковная благотворительность. С середины XIX века, с ростом просвещения, повышением престижа образования, науки, светского искусства стало распространяться меценатство и покровительство народному образованию, затем пришло сознание необходимости социальной защиты неимущих. Но все равно строительство и украшение храмов оставалось излюбленным делом русских предпринимателей. В конце XIX - начале XX века благотворитель, строивший школу, больницу, приют для сирот и престарелых и т.п., практически всегда одновременно строил и храм (Благородство... 1991).

В-третьих, важнейшим мотивом церковных пожертвований являлось желание выразить в зримой, осязаемой, т.е. наиболее понятной практическому хозяйственному человеку форме, свою благодарность Богу за дарованный успех. Этот мотив, очевидно, наиболее древний, уходит корнями в языческие представления об отношениях человека с Богом, которого можно наградить за помощь или наказать - одарить драгоценными ризами или высечь икону, вбить в нее гвозди... Былинный новгородский купец Садко в знак благодарности за чудесное спасение из подводного царства и за спасение своего каравана с казной и товарами построил церковь Николе Можайскому и Пресвятой Богородице. А прообразом былинного Садко был, как считают исследователи, реальный человек Сотко Сытина, строитель церкви Бориса и Глеба в Новгороде [Платонов, 1995, с. 6].

Оценка купеческой благотворительности в России была неоднозначной. Несмотря на прямую ориентацию на завоевание общественного мнения, в нем всегда присутствовало сомнение в искренности и бескорыстии жертвователей. Общество серьезно подозревало щедрых дарителей в пороках тщеславия и самолюбия. Даже историк Рябушинский, сам представитель крупнейшей предпринимательской династии, которому свойственна вследствие этого некоторая идеализация русского купечества, признает, что строительство храмов и благотворительность были предметом состязания: "раньше соперничали, кто лучше церковь выстроит, кто лучше ее украсит, но

с конца XIX века главное соперничество между именитыми родами пошло в том, кто больше для народа сделает" [Рябушинский, с. 152, 153]. Кроме того, люди прекрасно отдавали себе отчет в том, что благотворительность, адресованная обществу, конечной целью все-таки имеет личную самореализацию благотворителя. П. Бурышкин, также московский купец, в своих воспоминаниях пишет о том, что для простого народа даже необходимейшие школы, больницы, приюты говорили в первую очередь о заботе жертвователя, о "спасении своей души", поэтому не вызывали ожидаемых умиления и благодарности [Бурышкин, с. 224, 225]. К строительству храмов это относится в первую очередь.

Другой нравственный парадокс церковной благотворительности порождался разрывом между внешним благочестием, с одной стороны, и нравственным сознанием, а также повседневным поведением - с другой. Как уже писалось, в среде купечества и вообще в миру обрядовая религиозность без труда уживалась с эгоизмом, жестокостью и нравственной нечистоплотностью. Источником благотворительности, в том числе и строительства, и украшения храмов, порой, становилось богатство, нажитое нечестным путем - обманом, обсчитыванием и обвешиванием покупателей, притеснением рабочих, кустарей и мелких компаньонов, обворовыванием казны. Современники, глядя на таких "благотворителей" и "храмоздателей", прекрасно понимали, что их подлинная цель состоит в том, чтобы "откупиться" от Бога. Но купить искупление грехов и спасение невозможно: "Если человек строит и благоукрашает храмы Божий от богатств, собранных неправедным или - что то же - нечестным образом - обманами или притеснениями ближних и хищениями у них, вообще всякими неправдами, - то сколько бы он ни строил и ни благоукрашал храмов Божиих, какие бы он ни тратил на это огромные деньги, совершенно всуе надеется он купить у Господа Бога царство небесное: Господь не подкупается и жертва неправедная, как бы она ни была велика, нисколько не угодна Богу и только привлекает на лествиго и коварного жертвователя, который удумает обмануть Его как человека, Его тяжкий гнев: *жертвы нечестивых мерзость Господеви, ибо беззаконно приносят я* (Притчи Солом. XXI, 27)" [Голубинский, с. 46].

Купеческое храмоздательство и благотворительность в глазах народа, включая и верующую интеллигенцию, несли в себе, таким образом, изначальный нравственный изъян. Даже когда они совершались от чистого сердца, с подлинно благочестивыми помыслами и на честно нажитые деньги, раскол внешнего и внутреннего в массовом религиозном сознании позволял за каждой красивой и богатой церковной постройкой подозревать грех и порок. Представляется, что в этом коренится одна из причин той легкости, с которой большевикам в 20-30-е годы XX века удалось побудить крещеный и воспитанный в православной вере народ к варварскому разграблению и уничтожению храмов.

Важнейшим местом повседневного соприкосновения предпринимателя с православной традицией и жизнью церкви являлась приходская община. В жизни прихода осуществлялось соединение в рамках единой структуры высшего духовного и экзистенциального измерения религиозности, с одной стороны, и ее социальных проявлений, - с другой. Здесь, в соборном объединении людей разных социальных и имущественных категорий, столетиями складывался сложнейший механизм уравнивания социального и духовного, здесь слабый и бедный мог обрести защиту и помощь, а сильный и богатый получал - что не менее важно - возможность реализовать потребность в моральном достоинстве, спасти свою душу заботой о ближнем и о процветании Церкви.

Соединение религиозного и социального в рамках прихода проявлялось в том, что даже во второй половине XIX века для многих крестьянских, мещанских и купеческих семей, в особенности для женщин, приходская церковь являлась единственным посещаемым общественным местом, где позволялось выглянуть за пределы узкого семейного мирка. В храм ходили не только молиться, но и общаться, знакомиться, присматривать женихов и невест подросткам, демонстрировать богатство костюма

и обихода... Поведение в церкви - частота ее посещения, внешняя благопристойность и солидность, почитание известных образов, поддержание хороших отношений со священнослужителями - позволяли составить представление о человеке, его характере и нравственном облике. В приходской общине внешняя обрядовая религиозность реализовывалась как "мораль для дела", по выражению В. Зомбарта. Она состояла в настойчивой демонстрации качеств, признанных атрибутами честного и добропорядочного делового человека. Набожность считалась одним из основных таких атрибутов (здесь вполне уместно вспомнить процитированное М. Вебером в работе "Протестантская этика и дух капитализма" высказывание американского бизнесмена: "Что побудит его отдать мне долг, если он ни во что не верит?") [Вебер, 1991, с. 275].

Еще одна область, в которой реализовывались религиозные чувства русского предпринимателя, - деятельность церковного старосты. Как правило, им становились состоятельные люди, способные материально поддерживать приход, храм, а также обеспечивать его функционирование. Староста должен был осуществлять ремонт и украшение церкви, организацию праздников, доставку необходимых для богослужения и соблюдения обряда предметов - свечей, лампадного масла, ладана, ветвей вербы к Вербному воскресенью, цветов, ветвей березы и зелени к Троице, яблок к Преображению Господню (Яблочному спасу), еловых ветвей к Рождеству и т.д. Эти на первый взгляд житейские, практические заботы имели чрезвычайно большое значение, так как обеспечивали реальное бытие храма не просто как культового сооружения, но как живого духовного центра, объединяющего прихожан. Они приближали обряд к человеку, наполняли его понятными и близкими каждому смыслами и символами, душевным теплом и искренней радостью. От церковного старосты ждали не просто необходимых культовых предметов, от него ждали праздника, зримого торжества веры. Эта сторона жизни храма хорошо показана у И. Шмелева в его романе "Лето Господне". Композиция произведения строится вокруг событий литургического года. В повествовании большое место занимают описания подготовки к церковным праздникам, организуемым отцом Шмелева, известным московским предпринимателем и церковным старостой в храме Казанской Божьей Матери у Калужской заставы (разрушенном в 30-е годы XX века). Все у Шмелева проникнуто ностальгическим ощущением тепла, добра, любви, исходящим от освященных веками и бережно хранимых и поддерживаемых традиций церковного быта [Шмелев, 2000].

Естественно, что фигура церковного старосты, имеющая столь большое значение для жизни прихода, приобретала особый статус и престиж. И здесь таилась опасность впадения в грех гордыни: «Богатые купцы, большей частью, выбирают в церковные старосты, так что слово "церковный староста", особенно в Москве, означает человека богатого или достаточного; оно прибавляется как титул к прочим занимаемым почетным местам, оно, разумеется, за немногими, тем более почетными исключениями, прибавляет в человеке чванства, спеси и пресмешного величания собственным достоинством. Церковный староста и в церковь входит иначе, и пользуется особыми привилегиями: он в церкви, где все равны, не равен всем, ибо все прихожане, а он - староста» [Наше купечество... 1865, с. 39]. В реальной жизни прихода, вопреки всем нормам вероучения и православной этики, статус богатого человека, способного на благотворительность, оказывался неизменно выше, чем бедного, даже монахи принимали "почетных паломников" с особым вниманием.

Практическая рациональность и православная символика

При всех описанных противоречиях практической рациональности и православной духовности, хозяйствующий субъект все же находил свое место и в символике православного храма. Поскольку Храм есть соборный образ мира, его духовной сущности, в нем должно быть место и человеку-хозяину. Однако поскольку храм есть символический образ мира, то человек-хозяин, как и всякая тварь, как все мирское,

в нем предстает в преображенном, одухотворенном виде. Это не хозяин с его практическими расчетами, утилитарными устремлениями и земными страстями. не труженик в его повседневных усилиях. - это духовная сущность трудящегося и хозяйствующего человека. Поэтому в православных храмах парадоксальным образом отсутствуют реалистические изображения процесса труда и хозяйствования, а также аллегорий добродетелей, связанных с хозяйством ("Трудолюбие". "Бережливость" и т.п.), и пороков ("Праздность", "Скупость" и проч.), подобно тому, как они изображаются в католических храмах. Если в православном храме изображается человек за работой, то такая фреска или икона, как и остальные фрески и иконы в храме, воплощают в формах и красках не реальный процесс какого-то конкретного труда, а его духовную сущность. Здесь главное - не передача физического усилия, ловкости и мастерства, достоверности технологии, а скорее - аскетической сосредоточенности и духовного подъема тружеников (см., например, фреску "Жатва" в церкви Ильи Пророка в Ярославле - XVII век). Это отражает особенность православной хозяйственной этики, согласие которой христианская добродетель хозяйствующего православного верующего состоит не собственно в профессиональном мастерстве и рациональном практицизме, а в постоянной ориентации на внутреннюю духовную работу, в помыслах о Боге и в любви к ближнему, воплощенных в конкретном мирском труде. Поэтому наиболее распространенными из такого рода изображений являются картины труднического подвига святых (например, икона Св. Кирилла Белозерского, пекущего хлеба в русской печи).

Смысл храмовых изображений трудящегося человека - не столько воспитание нравственного хозяина для мирской жизни, к чему стремятся в католических храмах, сколько воспитание мирского хозяина для жизни духовной. Воспитание таких повседневных нравственных добродетелей, как добросовестность, честность, справедливость, человеколюбие, при этом является лишь самым первым, подготовительным этапом для начала подлинно духовного спасения. Этот этап может даже выпасть из поля зрения Церкви, сосредоточенной на более высоких ценностях. Обратной стороной такого понимания морали оказывается некоторое пренебрежение православия к "второстепенным" с духовной точки зрения ценностям, свидетельствующее о расхождении сфер высшей духовности и повседневной нравственности. Последнее имело негативные последствия, прежде всего, для массовой мирской хозяйственной культуры. Высочайший духовный стандарт православного подвижника оказывался слишком высоким для простого мирянина, и недостижимость идеала как бы оправдывала снисходительность к нарушениям простых моральных норм. Подрывалась и воспитательная роль церкви в целом: сосредотачиваясь на духовном окормлении, пастыри не уделяли должного внимания обычной нравственности, не заботились должным образом о ее привнесении в повседневную жизнь.

Справедливо ради надо заметить, что обращение к истории православия дает и противоположные по смыслу примеры заботливого внимания церкви к нравственному уровню прихожан-предпринимателей. Рябушинский пишет, что вплоть до начала XIX века существовали устойчивые представления о специфических грехах хозяина, о которых специально спрашивали на исповеди. Однако затем эта традиция была забыта. Особо тяжкими среди хозяйских грехов считалось невыплата заработной платы, обман и притеснение работников [Рябушинский, с. 158].

Все это говорит о том, что хозяйствующий и трудящийся человек нуждается в нравственном наставлении, в духовной жизни и спасении не меньше, чем остальные. Ему требуется осознание совместности его деятельности и образа жизни с высшими духовными ценностями, его причастности к ним. Он остро нуждается в разъяснении, каким образом он может воплотить в повседневных практических занятиях свою православную веру. И хотя прямой рационализации хозяйственной жизни при посредстве ценностей православия не произошло (подобно тому, как это было в протестантизме), существует явное тяготение хозяйствующего субъекта к религиозному оправданию своей жизни.

Практически это тяготение выражалось в постоянном присутствии в жизни купца Храма как зримого воплощения существования рядом с повседневной жизнью человека иного измерения бытия. В пространстве города, на его улицах, в слободах, на торговых площадях, на шумных ярмарках храмы являлись центрами духовного и нравственного притяжения для мирской, полной забот и страстей, жизни. В храме люди находили духовную помощь и утешение, ответы на свои чаяния и моления. Храм напоминал о существовании иного, свободного от мирской преходящей суеты, вечного измерения бытия. Поэтому при всем внешнем противоречии пространства торговой площади и сакрального пространства храма, повседневная жизнь тяготела ко второму, выстраивалась вокруг него.

Торговый центр города мог совпадать с религиозным и политическим центром (Вологодский кремль XVII века) или не совпадать (Нижний Новгород). Но все равно определялся он по отношению к стоящим в городе храмам: на нижегородском посаде XVII века торговый район определялся церковью Иоанна Предтечи, у которой был расположен гостиный двор и главный городской торг, церквями Козьмы и Демьяна и Николы на Бечеве. Сам по себе честный торг в сознании людей не вступал в противоречие с соседствующим храмом. Напротив, для торгующих, в особенности степенных купцов, этический стандарт которых предполагал демонстрацию благочестия, соседство торгового ряда с храмом было весьма желательным. Открытие и закрытие ярмарки сопровождалось многочисленными службами, крестными ходами, выносами икон и освящением торговых рядов и лавок. Ярмарки традиционно были местом сбора пожертвований на монастыри и храмы, их специальные посланцы съезжались туда, чтобы напомнить благодетелям о своих нуждах.

Соседство торговой площади и церкви ярко запечатлено в русской живописи, в особенности примечательны картины художника начала XX века Б. Кустодиева. Характерно, что кустодиевские городские виды писались не с натуры, а создавались как отражение общего духа русского города, как образы торгового ряда, ярмарки, полные красок, жизни, света, и среди всего этого великолепия - нарядные светлые храмы.

Несообразность соседства торгового ряда и храма состояла не в принципиальной несовместимости хозяйственной и духовной жизни, а в сопровождающих торговое дело обмане, лжи, эксплуатации, которые часто лишь слегка камуфлировались наружным благочестием. При внешнем соседстве хозяйства и храма и тяготении к нему сферы духа и мирского практицизма оставались все же достаточно далеко разведенными. Поэтому даже вполне искреннее благочестие и забота о духовном спасении могли сочетаться с алчностью, обманом и жестокостью в повседневных занятиях.

В явное противоречие с обликом церкви вступали и почти неминуемо наполнявшие крупную торговую площадь и тем более ярмарку неумеренные увеселения, пьянство, грубый купеческий разгул. Нижегородская ярмарка особенно отличалась обилием злчных мест, которые соседствовали с многочисленными храмами, с молебнами, крестными ходами, иконами и неугасимыми лампадами в лавках. Правда, власти стремились поддерживать нравственность и приличия, установив, что расстояние от входа в храм до входа в заведение, торгующее вином, должно непременно быть не менее сорока двух саженей.

Предпринимательская деятельность церкви и монастырей в русской культуре

Еще один аспект взаимосвязи предпринимательства и православия в России составляет хозяйственная деятельность Церкви и монастырей.

Монастырское хозяйство в России было связано как с управлением принадлежащими обители селами и угодьями, так и с развитием собственных монастырских ремесленных, промысловых, торговых предприятий (запрещалось только ростовщичество, хотя брать деньги под вексель не для личных, а для монастырских нужд разрешалось). И если занятия монахов физическим трудом почти всегда воспринимались

как праведные и способствующие духовному совершенствованию, то хозяйственное управление и торговля многими порицались, прежде всего, как отвлекающие от духовной жизни. Кроме того, они неизбежно связаны с практическим расчетом и в силу этого расценивались как неподобающее иноческому статусу стяжательство.

Самым ярким и последовательным противником монастырского хозяйства был духовный вождь "нестяжательства" преп. Нил Сорский, на Соборе 1503 года провозгласивший: "Чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черныцы по пустыням, а кормились бы рукоделием" (цит. по [Федотов, 1990, с. 167]). Еще раньше духовно близкий преп. Нилу Кирилл Белозерский, основав свой монастырь со строгим общежительным уставом, отклонял предлагаемые ему в дар села и уголья, обосновывая это тем, что "Аще села восхощем держати, болми будет в нас попечение, могущее братии безмолвие пресецати" [Федотов, с. 159]. Однако Кирилл, отрицательно относившийся к хозяйственным занятиям братии, не возражал против принятия милостыни от князей и боярства, а после его смерти монастырь перестал отказываться и от сел, и вскоре стал одним из богатейших русских монастырей, вел торговлю по всей России и имел подворья во всех крупнейших городах.

Интенсивные занятия хозяйством в русских монастырях подтвердили опасения "нестяжателей" о том, что они таят в себе опасность чрезмерного увлечения и забвения духовных целей за мирскими делами. Иногда хозяйственная деятельность монастырей принимала такие масштабы и занимала столь значительное место в их жизни, что это позволяло современникам упрекать монахов в забвении их главных, духовных целей. П. Мельников-Печерский, блестящий знаток раскола, писал о старообрядческих монастырях середины XIX века, что они постепенно превращались в "рабочие общины с артельным хозяйством": "Во всех общежительных женских скитах хозяйство шло впереди духовных подвигов. Правда, служба в часовнях и моленными отправлялась скитницами усердно и неопустительно, но она была только добыванием денежных средств для хозяйства... В стенах общины каждый день, кроме праздников, работа кипела с утра до ночи. Пряли лен и шерсть, ткали новины, пестряди, сукна; занимались и белоручными работами: ткали шелковые пояски, лестовки, вышивали по канве шерстями, синелью и шелком, шили золотом, искусно переписывали разные тетради духовного содержания, писали даже иконы. Никто на себя работать не смел, все поступало в общину" [Мельников-Печерский, 1956⁶, с. 312].

Такая трансформация монастырского жизненного уклада имела несколько следствий, негативно сказавшихся на нравственной атмосфере в обществе и на судьбе православия в России. Монастырь в массовом сознании XIX-XX веков уже весьма прочно ассоциировался не только с высокой духовной жизнью, но и с богатством, налаженным хозяйством, обильными запасами в кладовых, вкусной и сытной трапезой (см. описания монастырского гедонизма у Мельникова-Печерского). Аналогичное отношение к монастырям и монахам было и в католических странах Западной Европы. Вклад монастырей в развитие кулинарии и виноделия отразился в названиях многих популярных блюд и напитков, где определение "монастырский" традиционно является свидетельством высокого качества и самого высокого уровня. Обращает на себя внимание характерная деталь: известно, что грамотно подобранные названия продукта, этикетка, товарный знак должны вызывать у потребителя ассоциативный ряд, не противоречащий его основным свойствам. На этом фоне показательно обилие современных торговых марок алкогольной продукции типа "Монастырская трапеза", "Монастырское подворье", "Богословское", "Монах" и даже "Душа монаха" (!). Это свидетельствует о том, что у современного, часто далекого от религии человека, монастырь ассоциируется не столько с аскезой, уходом от мирских забот и радостей, сосредоточением на духовном служении и спасении, сколько с вековыми традициями гедонизма.

Опасность увлечения монахов хозяйственной деятельностью состояла и в том, что здесь они становились на один уровень с мирянами и даже превращались в их конкурентов. Чувствуя угрозу для собственного благополучия, исходящую от близлежа-

щего монастыря, миряне часто относились к монахам с неприкрытой враждебностью. У окрестных крестьян известия о появлении поблизости отшельника, подвижника часто вызывали отнюдь не чувства умиления и духовной радости, а озлобление и агрессию. В житиях описаны многочисленные прецеденты нападения на пустынножителей, подобные изгнанию преп. Дмитрия Прилуцкого с избранного им места на реке Великой, после которого он был вынужден переселиться в окрестности Вологды. Известны даже случаи гибели подвижников в столкновениях с враждебно настроенным сельским населением. Напротив, город имел осознанную потребность в духовном центре и оказывался терпимее к появлению новых монастырей, вскоре становившихся активными участниками его хозяйственной жизни. [Хрушов, 1868, с. 9,10].

Богатство и налаженное хозяйство монастырей провоцировали многочисленные попытки светских властей производить секуляризацию монастырских вотчин и имущества, решавших таким образом собственные и общегосударственные материальные проблемы. Подорванный вследствие эксплуатации монастырских крестьян, стяжательства и отступления от аскетических принципов авторитет не давал монахам возможности апеллировать к общественному мнению и порождал равнодушие большинства мирян к их притеснениям.

Тесная связь церкви с хозяйственными делами, погруженность в мирские практические заботы отражается в русской культуре в виде образов алчных, обуреваемых жадой денег и потому способных на аморальные и противозаконные деяния священников и монахов. В хрониках Мельникова-Печерского игумен раскольничьего скита о. Михаил - предводитель шайки фальшивомонетчиков и один из активных организаторов аферы с поддельным золотом на реке Ветлуге, чуть было не стоившей состояния честному предпринимателю Патапу Чапурину. Можно было бы предположить, что Мельников-Печерский, служивший в должности советника по делам раскола при нижегородском губернаторе, изображает старообрядцев намеренно негативно. Однако в хронике "На горах" и сугубо положительный православный священник отец Прохор, спасающий Дуню Смолокурову из секты хлыстов с ее отвратительными оргиями, при всем желании помочь обманутой и беззащитной девушке, сперва опасается, не "поставит ли его в трудное положение по хозяйству" разгневанный барин-еретик, а затем с радостью готовится принимать благодарность от богатого отца спасенной [Мельников-Печерский, 1956^а].

Стяжательство православных священников послужило и дополнительным поводом для их нравственной дискредитации в советский период. Даже "со скидкой" на атеистическую пропаганду советского времени примечателен персонаж романа И. Ильфа и Е. Петрова "Двенадцать стульев" священник церкви Фрола и Лавра отец Федор Востриков, который "всегда, во всех этапах духовной и гражданской карьеры, оставался стяжателем" [Ильф, Петров, 1972, с. 39], а затем бросил сан и семью ради погони за бриллиантами мадам Петуховой. Примечательно, что ему, в отличие от конкурентов - мечтателя-авантюриста Остапа Бендера и старого гедониста Кисы Воробьянинова, сокровища были нужны ради начала собственного реального дела - свечного заводика в Самаре. В интерпретации советских сатириков священник по своим целям и жизненным ценностям тождествен нэпману.

* * *

Таким образом, отношение русского предпринимателя - делового, практичного человека к религии нельзя описать просто и однозначно. В русской культуре отражено явное тяготение мирского хозяина к иному, высшему, духовному измерению бытия, которое проявлялось в повседневном благочестии. Вместе с тем покачано противоречие практической рациональности и пути духовного спасения, на который ориентирует "Большая традиция" православия, что порождает расхождение высокого духовного стандарта и повседневной, обыденной нравственности.

При этом просматриваются два пути преодоления накопившихся противоречий, развития нравственного сознания российского предпринимателя: 1) движение от обрядового благочестия к применению норм христианской нравственности в мирских хозяйственных делах; 2) пастырское внимание духовных лиц к моральным проблемам предпринимателя, совместный поиск таких хозяйственных решений, которые позволяли бы сохранять высокие духовные ориентации при сосредоточенности на практических делах.

О реальности этих способов решения проблемы, возможности гармоничного соединения православной этики и успешного хозяйствования в России говорит пример недавно канонизированного предпринимателя, преп. Серафима Вырецкого, сочетавшего деловой успех с высоким духовным служением в XX веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.* Судьба России. М., 1991.
Благородство и щедрость "темного царства". Рыбинск, 1991.
Булгаков С.Н. Неотложная задача//Христианский социализм. М., 1991.
Булгаков С.Н. Народное хозяйство и религиозная личность // Соч. М., 1993. Т. 2.
Бурышкин П.А. Москва Купеческая. М., 1990.
Вебер М. Избранные произведения. М., 1991.
Голубинский Е.Е. О реформе быта русской церкви. М., 1913.
Давыдов Ю.Н. Вебер и Булгаков (Христианская аскеза и трудовая этика) // Вопросы философии. 1994. № 2.
Домострой. М., 1994.
Зеньковский С. Преподобный Иосиф и иосифляне (Из истории русской церковной мысли). Париж, 1956.
Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Кишинев, 1972.
Коваль Т.Б. Православная этика труда // Мир России. 1994. № 2.
Мельников-Печерский П.И. На горах. Кн. 1. М., 1956.
Мельников-Печерский П.И. В лесах. Кн. 1. Горький, 1956.
Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. М., 1865. Т. 1.
Платонов О. 1000 лет русского предпринимательства. М., 1995.
Рябушинский В.П. Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. М.-Иерусалим, 1994.
Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990.
Хрущов И. Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого (б.м.), 1868.
Шишков В. Угрюм-река. М., 1982.
Шмелев И.С. Лето Господне. М., 2000.
Buss A. Die Wirtschaftsethik des russisch-orthodoxen Christentums. Heidelberg, 1989.
Ruckman J.A. The Moscow Business Elite: A Social and Cultural Portrait of Two Generations, 1840-1905. De Kalb, 1984.